

Василий Шутков

Сборник очевидного

Василий Шутов

Сборник очевидного

«Автор»

2026

Шутов В.

Сборник очевидного / В. Шутов — «Автор», 2026

Здесь ты найдёшь: историю о выборе между лёгким путём и дорогой знаний; драму офисного сотрудника, который столкнулся с несправедливостью и попытался её осмыслить; тонкую историю о том, как рушатся отношения — и почему не всегда виноват кто-то один; размышления о том, как одна и та же реальность может выглядеть совершенно поразному в зависимости от угла зрения; ироничный рассказ о человеке, чьи «неудачи» в итоге стали главным талантом; и многое другое — от философских притч до жизненных зарисовок. Эти рассказы не дают готовых ответов, но заставляют задуматься: а как ты сам смотришь на мир? Что считаешь очевидным — и не упускаешь ли из виду что-то важное? «Сборник очевидного» — для тех, кто любит не просто читать, а проживать истории вместе с героями и искать в них собственные смыслы.

© Шутов В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Раз	5
Два	6
Три	8
Четыре	11
Параллельно	11
Последовательно	13
Пять. «Презумпция виновности»	14
Шесть. «Игра на „нет“»	16
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Василий Шутов

Сборник очевидного

Раз

Они стояли на развилке в две тропы. Одна — широкая и утоптанная, по ней шли многие: полагались на слухи, догадки и советы случайных попутчиков. Другая — узкая, заросшая, но вдоль неё виднелись знаки: цитаты мыслителей, формулы, схемы успеха, обрывки карт и вопросы, написанные углем на камнях.

Он сам сделал выбор.

Сначала было трудно. Каждый шаг требовал усилий: приходилось останавливаться, читать, размышлять, сверяться с книгами, которые он нёс в рюкзаке. Иногда он сбивался с пути — тогда возвращался к заметкам, перечитывал, искал новые связи. Знания не давались легко: чтобы понять карту звёздного неба, нужно было освоить основы астрономии; чтобы расшифровать письма — изучить языки и историю.

По дороге он встречал людей. Одни смеялись над его рюкзаком с книгами: «Зачем столько? Итак ясно, куда идти!» Другие, напротив, просили поделиться находками. Он объяснял им законы физики, показывал, как ориентироваться по звёздам, рассказывал, почему одни живые целебны, а другие — ядовиты. Постепенно вокруг него сложилась небольшая группа путешественников. Они обменивались знаниями, дополняли друг друга: кто-то разбирался в ботанике, кто-то — в механике, кто-то умел исполнять точно.

Со временем он заметил, что мир вокруг стал яснее. То, что раньше казалось хаотичным набором явлений, обретало структуру: дождь шёл не «просто так», а из-за взаимодействия воздушных масс; звёзды выстраивались в созвездия, подчиняясь законам гравитации; даже поведение людей можно было отчасти предсказать, зная их мотивы и обстоятельства. Знания не давали готовых ответов на все вопросы, но давали инструмент — умение задавать правильные вопросы и искать доказательства.

На вершине холма, к которой вела узкая тропа, он остановился. Перед ним раскинулась долина — не та, что была обозначена на старых картах, а живая, изменчивая, полная новых загадок. Но теперь он знал: главное не конечная точка, а путь. И знания — не груз, а компас чёткий, где, куда и как. Они не гарантируют лёгкой дороги, но позволяют видеть дальше, отличать иллюзии от реальности.

Он обернулся к своим спутникам, улыбнулся и сказал:

— Пойдём дальше?

Два

Город N жил своей обычной жизнью: пробки по утрам, очереди в кофейнях, бесконечные совещания в офисах. В одном из таких офисов, на 12-м этаже бизнес-центра «Горизонт», сидел Алексей Петрович Смирнов — менеджер среднего звена с двадцатилетним стажем.

Алексей Петрович был человеком системы. Он знал, что успех — это вовремя поданный отчёт, правильно расставленные галочки в документах и умение не замечать лишнего. Его девиз: «Не высовывайся, но будь на виду».

В тот день всё началось с мелочи. На столе Алексея Петровича лежал отчёт, который нужно было подписать ещё вчера. Начальник, Игорь Валентинович, уже трижды напоминал об этом. Алексей Петрович вздохнул, поставил подпись и отправил документ. Через час его вызвали к начальнику.

— Смирнов, ты что, совсем ослеп? — рявкнул Игорь Валентинович. — Ты подписал отчёт с ошибкой в сумме!

Алексей Петрович похолодел. Ошибка была копеечной — всего 3,7 тысячи рублей, но в бухгалтерии это означало перепроверку всех цифр.

— Я... я не заметил, — пробормотал он.

— Не заметил? — Игорь Валентинович ударил ладонью по столу. — Ты не заметил, а теперь весь отдел будет работать сверхурочно! Ты понимаешь, что из-за тебя квартальный бонус будет пересчитан? Алексей Петрович молчал. Он был уверен, что спорить бесполезно. Вечером, возвращаясь домой, он зашёл в бар. Там, за соседним столиком, сидел завсегдатай бара Андрей.

— Лёха, ты чего такой кислый? — спросил Андрей.

— Да так, — махнул рукой Алексей Петрович. — Работа, проблемы...

— Брось, — усмехнулся Андрей. — Всё это ерунда. Главное — не принимать близко к сердцу. Алексей Петрович кивнул, но в душе ему стало ещё тяжелее.

На следующий день в офисе царил напряжённая атмосфера. Бухгалтерия искала ошибку, отдел продаж нервничал, а Игорь Валентинович ходил мрачный, как туча. Алексей Петрович старался не попадаться ему на глаза, но это не помогло.

— Смирнов, зайти ко мне, — прозвучало в трубке.

Игорь Валентинович молча положил перед Алексеем Петровичем приказ о выговоре.

— Подписывай, — сказал он. — И чтобы больше такого не было.

Алексей Петрович подписал. Он чувствовал себя раздавленным. Вечером он снова зашёл в бар. Андрей был там как обычно в это время.

— Ну что, — спросил он, — опять проблемы?

— Да, — вздохнул Алексей Петрович. — Выговор получил.

— И что? — пожал плечами Андрей. — Это же просто бумажка. Главное — зарплата на месте. Алексей Петрович промолчал. Он вдруг понял, что Андрей никогда его не поймёт сколько бы он не объяснял о своей душевной организации.

Следующие дни прошли как в тумане. Алексей Петрович выполнял свои обязанности на автомате, избегал коллег и старался не думать о будущем. А потом случилось то, чего он совсем не ожидал. В пятницу утром Игорь Валентинович собрал всех в конференц-зале.

— Коллеги, — начал он, — у нас хорошие новости. Компания решила наградить одного из сотрудников за многолетний вклад в развитие. И этим сотрудником стал... Алексей Петрович Смирнов!

В зале раздались вежливые аплодисменты. Алексей Петрович растерялся.

— Но... как? — прошептал он.

— Что было - то было — лицемерно улыбнулся Игорь Валентинович.

Алексей Петрович не знал, что сказать. Он просто кивнул и сел на место. Вечером он снова встретился с Андреем.

— Представляешь, — сказал он, — меня наградили!

— Вот видишь, — усмехнулся Андрей, — а ты переживал. Всё всегда заканчивается хорошо.

Алексей Петрович улыбнулся, но в глубине души он понимал: что-то здесь не так.

...

Бармен Серега стоял за стойкой и протирал стакан. Он видел, как в зал вошёл Алексей Петрович — тот самый мужчина, который последние дни приходил сюда каждый вечер. Рядом с ним сидел Андрей, его друг.

Сергей знал эту пару уже несколько месяцев. Андрей был завсегдатаем бара — весёлый, общительный, всегда с шуткой наготове. Алексей Петрович, напротив, казался замкнутым и задумчивым.

В тот вечер Сергей невольно услышал их разговор.

— Лёха, ты чего такой кислый? — спросил Андрей.

— Да так, — махнул рукой Алексей Петрович. — Работа, проблемы...

— Брось, — усмехнулся Андрей. — Всё это ерунда. Главное — не принимать близко к сердцу. Сергей заметил, как Алексей Петрович сжал губы. Было видно, что слова друга его задели.

— Андрей, ты не понимаешь, — тихо сказал Алексей Петрович. — Для меня это не просто «проблемы». Это моя жизнь. Андрей рассмеялся.

— Ой, да ладно тебе! Ты же не ребёнок. В мире полно вещей поважнее твоего отчёта.

Алексей Петрович замолчал. Он смотрел в свою кружку, и Сергей заметил, что его глаза были полны грусти. На следующий день Сергей снова увидел Алексея Петровича. Тот выглядел ещё более подавленным. Зашёл Андрей, и разговор повторился.

— Ну что, опять проблемы?

— Да, выговор получил

— И что?

Сергей видел, как Алексей Петрович сжал зубы. Было ясно, что он сдерживает слёзы.

— Андрей, — тихо сказал он, — для меня это не просто бумажка. Это признание того, что я ошибся. Что я подвёл людей. Андрей лишь рассмеялся.

— Да брось ты! Кто об этом вспомнит через месяц?

Алексей Петрович опустил голову. Он больше ничего не говорил. А потом наступил тот самый день, когда Алексей Петрович пришёл сияющий.

— Представляешь, — меня наградили!

— Вот видишь, — усмехнулся Андрей, — а ты переживал. Всё всегда заканчивается хорошо.

Сергей заметил, как улыбка Алексея Петровича дрогнула. Было видно, что он не рад.

— Да, — тихо сказал он. — Всё хорошо.

Когда они ушли, Сергей задумался. Он понял, что Андрей никогда не понимал Алексея Петровича. Для Андрея жизнь была игрой, где ошибки не имели значения. Для Алексея Петровича — это была реальность, где каждая ошибка оставляла след. И награда Алексея Петровича была не признанием его заслуг. Компания знала, что несправедливо наказала его, и теперь пыталась исправить ситуацию. Но Алексей Петрович этого не знал. Он думал, что мир наконец-то стал к нему добрее.

А Андрей? Просто не замечал ничего

Три

Он сразу заметил её: она стояла у окна, слегка отстранённая от шумной компании, и смотрела куда-то вдаль. В тот момент она показалась ему воплощением чего-то настоящего среди всей этой мишуры.

Он подошёл, завязался разговор. Говорили о пустяках — о музыке, которая играла слишком громко, о погоде, которая никак не могла определиться, весна это или ещё зима, о книгах, которые никто из них толком не читал. Но было в этом разговоре что-то лёгкое, непринуждённое, будто они знали друг друга много лет.

Следующие несколько недель пролетели как один день. Встречи после работы, долгие прогулки по городу, разговоры до глубокой ночи. Он ловил себя на мысли, что с ней всё становится проще — проблемы отступают на второй план, а мир будто бы расцветает новыми красками.

Она смеялась его шуткам, слушала его рассказы с неподдельным интересом, а иногда просто молча брала за руку — и этого было достаточно. Он начал думать, что, возможно, это и есть то самое, о чём пишут в книгах.

Но постепенно что-то начало меняться. Сначала мелочи: она реже отвечала на сообщения, иногда отменяла встречи в последний момент, ссылаясь на усталость. Он не придавал этому значения — работа, дела, все устают. Но потом эти «усталости» стали появляться всё чаще.

Однажды вечером он позвонил ей, как обычно, чтобы договориться о встрече на следующий день.

— Извини, — сказала она, — завтра не получится. У меня... планы.

— Какие планы? — спросил он.

— Да так, ничего особенного. Просто встреча с подругой.

Что-то в её голосе насторожило его. Слишком быстро она это сказала, слишком уверенно.

— Ладно, — ответил он. — Тогда в другой раз.

В трубке повисла пауза.

— Да, в другой раз, — повторила она.

И он вдруг почувствовал, как внутри что-то оборвалось.

Следующие дни превратились в череду тревожных ожиданий. Он ловил себя на том, что проверяет телефон каждые пять минут, ждёт сообщения, которого нет. Она писала редко, отвечала коротко, а когда они всё-таки встречались, казалась отстранённой, будто мыслями была где-то далеко.

Он пытался поговорить с ней, выяснить, что не так.

— Всё нормально, — говорила она. — Просто... я сейчас не в том состоянии, чтобы много общаться.

— Но мы же могли бы просто посидеть где-нибудь, — настаивал он. — Поговорить.

— Я не хочу ни о чём говорить, — отрезала она. — Мне нужно время.

Время. Это слово звучало как приговор.

Он начал анализировать всё: каждое сообщение, каждый взгляд, каждую фразу. И чем больше думал, тем яснее становилось: она отдаляется. Не резко, не грубо, а постепенно, шаг за шагом, пока однажды не окажется так далеко, что он уже не сможет её догнать.

Однажды она позвонила сама.

— Нам нужно поговорить, — сказала она.

Сердце сжалось. Он знал, что будет дальше.

— Я думаю, нам лучше прекратить это всё, — продолжила она. — Не то чтобы что-то было не так... Просто я поняла, что не готова к серьёзным отношениям.

Он молчал. Слова застряли в горле.

— Прости, — добавила она. — Я не хотела тебя обидеть.

— Ничего, — выдавил он. — Всё нормально.

Но ничего не было нормально. Мир вдруг стал серым, звуки — глухими, а воздух — тяжёлым. Он положил трубку и уставился в окно. Дождь стучал по стеклу, будто отсчитывая секунды его разбитых надежд.

Он долго думал, что сделал не так. Может, был слишком навязчив? Или, наоборот, недостаточно внимателен? Может,

Она у окна смотрела вдаль, когда он подошёл. В тот вечер ей было не по себе — шумная компания, громкие голоса, музыка, от которой звенело в ушах. Хотелось просто уйти, но она не могла — это была вечеринка друзей, которых она не видела давно.

Он заговорил первым. Его голос звучал спокойно, уверенно, и это почему-то сразу успокоило. Они начали болтать о пустяках, и неожиданно оказалось, что с ним легко — не нужно притворяться, не нужно подбирать слова. Он смешил её, слушал внимательно, а когда она рассказывала что-то, смотрел прямо в глаза, будто для него не существовало ничего важнее её слов.

Первые недели были волшебными. Она ловила себя на мысли, что ждёт его сообщений, что улыбается, увидев его имя на экране телефона. С ним мир казался ярче, проблемы — не такими страшными, а будущее — более определённым.

Но потом навалилось всё сразу. На работе начался аврал — дедлайны, отчёты, бесконечные совещания. Дома тоже было беспокойно: бабушка заболела, нужно было помогать, а сил почти не оставалось. Она пыталась совмещать всё это с отношениями, но постепенно поняла, что не справляется.

Когда он звонил и предлагал встретиться, она хотела сказать «да», но понимала, что просто не выдержит ещё одного вечера вне дома. Усталость накапливалась, как снежный ком, и однажды она просто сорвалась.

— Извини, завтра не получится, — сказала она в трубку. — У меня... планы.

«Планы» — это было неправдой. Никаких планов не было. Был только диван, плед и желание никуда не двигаться хотя бы сутки. Но признаться в этом казалось стыдным.

Она видела, как он меняется. Он стал задавать больше вопросов, искать подвох там, где его не было. Ей хотелось объяснить, что дело не в нём, что она всё ещё ценит его, но слова застревали в горле. Как сказать человеку, что ты просто выдохлась? Что тебе нужно время, чтобы снова стать собой?

Однажды он попытался поговорить серьёзно.

— Что не так? — спросил он. — Почему ты всё время отменяешь встречи?

— Я просто устала, — ответила она. — Очень устала.

— Но мы же могли бы просто посидеть где-нибудь, — настаивал он. — Поговорить.

— Я не хочу ни о чём говорить, — вырвалось у неё. — Мне нужно время.

Она тут же пожалела о своих словах. Видела, как он вздрогнул, как потух его взгляд. Но взять их обратно уже не могла.

Телефон завибрировал в кармане. Сообщение от него. Она открыла его и прочитала: «Ты отдалилась. Я не понимаю, что происходит».

Сердце защемило. Она набрала ответ: «Прости, я правда не в лучшей форме. Дай мне немного времени».

Но он не отвечал. Молчание длилось день, два, три. Она чувствовала себя виноватой, но не знала, как исправить ситуацию.

А потом она поняла, что тянуть дальше нельзя. Если она не объяснится сейчас, всё станет только хуже.

— Нам нужно поговорить, — сказала она, набрав его номер.

Голос дрожал, но она заставила себя продолжить:

— Я думаю, нам лучше прекратить это всё. Не то чтобы что-то было не так... Просто я поняла, что сейчас не готова ни к каким отношениям. Мне нужно разобраться с собой.

В трубке повисла долгая пауза.

— Ничего, — наконец ответил он. — Всё нормально.

Она закрыла глаза. Он лгал. Ничего не было нормально. Но она не знала, как это исправить.

После разговора она долго сидела у окна, глядя на дождь. Капли стекали по стеклу, словно слёзы, которые она не могла пролить. Она хотела сказать ему правду — что дело не в нём, что он замечательный, что она благодарна за всё, что было. Но слова застряли где-то внутри.

Может быть, однажды она найдёт в себе силы всё объяснить. Но пока что-то подсказывало: он уже сделал свои выводы. И эти выводы, основанные на неполной картине, будут жить в его памяти гораздо дольше, чем правда.

Четыре

Параллельно

В городе, где улицы сплетались в запутанный узор, а дома стояли так тесно, что казалось, будто они шепчутся друг с другом по ночам, жизнь шла своим чередом. Люди спешили, не замечая мелочей: блика солнца на мокром асфальте, тени от пролетающей птицы, едва уловимого аромата цветущих деревьев. Всё было подчинено ритму — быстрому, жёсткому, безжалостному.

Утро начиналось одинаково: звон будильника, чашка кофе, взгляд в окно — проверить, не изменилось ли что-то за ночь. Но ничего не менялось. Небо оставалось серым, деревья — голыми, а люди — такими же, как вчера.

Среди них был он. Не выделявшийся ничем особенным: обычная одежда, заурядное лицо, походка, которую нельзя было запомнить спустя минуту. Он шёл по улице, не поднимая глаз, и думал о том, что сегодня снова будет то же самое: работа, обед в кафе у угла, вечер дома перед экраном телевизора.

Но в этот день что-то пошло не так.

На перекрёстке он случайно столкнулся с кем-то. Женщина, одетая в чёрное, уронила сумку, из которой высыпались бумаги. Он помог собрать их, машинально отметив, что на одной из страниц была схема.

— Хоть кто-то помог — коротко и раздраженно бросила она.

Он остался стоять, сжимая в руке случайный листок. На нём была нарисована схема, напоминавшая схему параллельного питания для групп светильников: пара ниток от одного источника, но независимые друг от друга соединяются чтобы светиться.

В следующие дни он начал замечать странные совпадения. В разговорах коллег мелькали фразы, которые он уже где-то слышал. На стенах домов появлялись надписи, словно адресованные только ему. Даже погода, казалось, подстраивалась под какой-то неведомый план: дождь шёл ровно тогда, когда он брал зонт, а солнце выглядывало, когда он решал прогуляться.

Однажды вечером он увидел ту женщину снова. Она стояла у витрины магазина и смотрела на отражение в стекле. Он подошёл ближе, собираясь вернуть листок, но она, не оборачиваясь, сказала:

— хочешь сбросить напряжение?

Усмехнувшись риторическому вопросу, растворилась в толпе.

С этого момента события начали нарастать, как снежный ком. Коллеги стали избегать его, соседи косились, а в почтовом ящике появились письма без обратного адреса — пустые листы бумаги с одной лишь линией, проведённой посередине.

Он начал искать ответы. Листал книги, искал информацию в интернете, расспрашивал случайных знакомых. Но чем больше он узнавал, тем меньше понимал. Всё вокруг напоминало ту схему: множество независимых путей, каждый из которых вёл куда-то, но ни один не давал полной картины.

Однажды ночью он не смог уснуть. В голове крутились мысли, образы, обрывки фраз. Он встал, включил лампу и достал тот самый листок. Линии на нём теперь казались живыми — они шевелились, меняли направление, будто пытались что-то сказать.

И тогда он осознал: параллельное соединение — это не просто схема. Это модель жизни, где каждый человек — отдельная линия, существующая сама по себе. Нет виноватых, нет оправданий — просто набор событий, идущих одновременно, но не влияющих друг на друга,

ожидая следующего замкнутого пространства на короткую встречу, пока автомат соседи по подъезду не начнут выключать.

Он засмеялся — тихо, почти беззвучно. Всё стало на свои места. Мир был прост и жесток: ты либо вписываешься в схему, либо выпадаешь из неё. И никаких исключений.

Утром он вышел из дома с новым ощущением — будто сбросил с себя что-то тяжёлое. Он шёл по улице, смотрел на людей и видел их линии: прямые, изломанные, оборванные. И понимал, что его собственная линия теперь ясна.

Последовательно

Где-то за городом, в старом доме с покосившимся крыльцом, жил мальчик. Он любил сидеть на ступеньках и смотреть, как солнце опускается за горизонт, окрашивая небо в цвета, которых не было в его красках. Бабушка часто говорила ему:

— Всё в мире связано, как звенья цепи. Одно тянет за собой другое, и так до самого начала.

Мальчик не совсем понимал, что это значит, но кивал — бабушка знала много мудрых вещей.

Однажды она позвала его к себе и показала старую шкатулку. Внутри лежали фотографии, письма и один странный листок — схема с линиями, напоминавшая последовательное соединение: одна линия переходила в другую, каждая зависела от предыдущей, и все вместе они вели к чему-то большему.

— Это осталось от твоего деда, — сказала бабушка. — Он верил, что жизнь — как цепь. Каждое действие имеет причину и следствие. И если проследить все звенья, можно понять, почему всё случилось именно так.

Мальчик взял листок и стал рассматривать его. Линии казались ему живыми — они напоминали дороги, реки, тропинки в лесу. Он спросил:

— А что, если кто-то разорвёт цепь?

Бабушка вздохнула:

— Тогда всё начнёт сыпаться. Но обычно кто-то подхватывает оборванное звено и продолжает путь. Так было всегда.

В тот же вечер мальчик решил проверить её слова. Он вышел на улицу и стал наблюдать за людьми. Вот женщина торопится домой — наверное, её ждут дети. Вот старик идёт медленно, опираясь на трость — возможно, он вспоминает молодость. А вот незнакомец в тёмном пальто смотрит на витрину, но взгляд его будто где-то далеко.

Мальчик проследил за ним. Незнакомец шёл быстро, почти бежал, пока не остановился у старого дерева и не поднял что-то с земли. Это был листок бумаги — тот самый чертёж. Незнакомец смял его и бросил в урну.

Мальчик подобрал листок и развернул. Линии на нём теперь казались ему не просто схемой, а историей. Каждая ветка — чей-то выбор, каждое пересечение — встреча, каждый обрыв — потеря.

Он побежал домой, чтобы показать находку бабушке. Но та лишь улыбнулась и сказала:

— Видишь? Всё связано -

Пять. «Презумпция виновности»

В высоких окнах юридической фирмы «Правовой щит» отражались свинцовые тучи, словно предвещая нечто недоброе. Елена Викторовна, женщина с горделивой осанкой и взглядом, способным пронзить насквозь любую юридическую лазейку, сидела за своим столом, заваленным папками с делами.

Её пальцы, униженные перстнями строгого вкуса, перебирали листы, выискивая малейшие неточности. В ушах ещё звучали обрывки разговоров коллег: смех, намёки, полунамёки на какие-то вечеринки, поездки, «случайные» встречи. На экране телевизора, вечно включённого в общем зале, мелькали сцены из очередного сериала — адвокат в дорогом костюме обнимал блондинку у бассейна.

«Распутство, — подумала Елена Викторовна, и её губы сжались в тонкую линию. — Вот откуда берутся все эти проблемы. А потом удивляются, почему молодёжь растёт такой... безнравственной».

Она провела в «Правовом щите» пятнадцать лет. Пятнадцать лет, в течение которых её мозг, отточенный на исках и контрактах, научился видеть подвох даже там, где его не было. Профессиональная деформация — тихий, незаметный яд, который разъедает душу, превращая мир в череду улик и подозрений.

Дом, некогда уютный и тёплый, теперь казался ей подозрительным. Борщ, который она варила по бабушкиному рецепту, вдруг потерял вкус — или это она перестала его чувствовать? Постель, прежде мягкая и манящая, теперь напоминала жесткую солому — каждый бугорок впивался в спину, не давая уснуть.

Однажды, стирая джинсы сына, она нашла в кармане что-то странное. Маленький пластиковый предмет, отдающий сладковатым запахом.

— Вейп, — прошептала она, и сердце её сжалось. — Или что-то похуже. Запах. Он был едва уловим, но он был. И он говорил ей больше, чем любые слова.

На следующий день, развешивая бельё, она принялась к рубашке мужа. Тонкий, изысканный аромат — явно не её духи. «Chanel № 5», — определила она с горечью. Или «Diog»? Неважно. Важно было другое: запах был чужим.

В голове завертелись шестерёнки. Мозг, привыкший к анализу, начал складывать улики:

- Сын задерживается после школы на 15 минут — значит, встречается с кем-то.
- Муж приходит домой в приподнятом настроении — значит, был не на совещании.
- В почтовом ящике лежит брошюра ЗОЖ и номер бесплатной помощи
- Доставщик продуктов из магазина улыбнулся загадочно — знает что-то.

Елена Викторовна завела блокнот. Кожаная обложка, золотые буквы — подарок на юбилей фирмы. Теперь в нём появлялись записи, аккуратные, чёткие, как пункты искового заявления.

Она перестала спать. По ночам, лежа в постели, она прислушивалась к дыханию мужа, к шагам детей за стеной. Ей казалось, что весь мир сговорился против неё, что каждый жест, каждый взгляд — это знак, который она обязана разгадать.

— Ты что, с ума сошла? — спросил муж однажды, устав от её допросов.

— А ты что, отрицаешь? — ответила она, и голос её задрожал. — Признайся: у тебя кто-то есть?

— Да я в командировку на завод! Там даже Wi-Fi нет!

— Вот именно! — воскликнула она с торжеством, которое отдавало отчаянием. — Там даже Wi-Fi нет — идеальное прикрытие!

Муж, сын и дочь переглянулись. В их глазах мелькнуло что-то, чего Елена Викторовна не заметила — то ли испуг, то ли решимость. Они оставили улики — нарочито очевидные, почти насмешливые:

- На кухне — пепел (сын курил в вытяжку).
- На одежде мужа уже неделю одинакового цвета длинные волосы
- В ванной — моющее средство для гигиены резиновых изделий

Каждая находка жгла её изнутри, подпитывая сомнения. Она начала записывать новые улики в блокнот, не замечая, что почерк стал неровным, а буквы — кривыми.

Однажды вечером, когда сумерки уже окутали город, семья собралась в гостиной. На столе лежали улики, блокнот с записями, а рядом — ноутбук с видеозаписью.

— Мам, — сказал сын, включая видео, — смотри.

На экране появились они сами: муж, сын и дочь, сидящие на кухне и смеющиеся.

— Давай положим зажигалку? — предлагает сын.

— А я презервативы! — хихикает дочь.

— А я уеду без связи! — подхватывает муж. — Пусть мама подумает, что я... ну, ты понял.

Все хохочут, и смех их звучит почти зловеще.

Елена Викторовна села. В глазах потемнело.

— Но... но... духи? Пепел? — прошептала она.

— Это мы, — призналась дочь, и в голосе её прозвучало раскаяние. — Для эксперимента.

— Мы хотели, — добавил муж, — чтобы ты увидела, как легко можно обмануться. Как легко построить целую теорию на пустяках.

Он встал, подошёл к ней и взял за руку.

— Видишь, мама? — произнёс он тихо, но твёрдо. — Проблема не в курении или блуде. Проблема в презумпции виновности. Ты проецируешь стереотипы — неважно, откуда они: из сериалов, из офиса, из газет. Ты строишь логическую цепочку по негативной тенденции. И самое главное — драгоценное время жизни уходит на борьбу с тенями.

Елена Викторовна молчала. В голове шумело, как в тот день, когда она впервые поняла, что не может доверять даже себе.

— А борщ... — прошептала она. — Борщ правда невкусный?

— Нет, — улыбнулся муж. — Он вкусный. Просто ты перестала замечать по-настоящему

Шесть. «Игра на „нет“»

Часть 1. Авантюрин

В комнате с облезлыми обоями и окном, выходящим на стену соседнего дома, сидел Антон. Он задумчиво разглядывал свой выпускной костюм — тот самый, что должен был стать свадебным. Костюм был старомодным, с широкими плечами и узкими брюками, но Антон считал его своим талисманом.

— Эх, — вздохнул он, — если бы не деньги... Если бы не эта проклятая реальность, где ниществу нет места под солнцем.

Он бросил психологический факультет на третьем курсе. Не из-за лени — нет, вовсе нет. Просто понял: теория — это одно, а жизнь — совсем другое. А жизнь требовала действий. И денег. Много денег.

Антон влюбился. Безнадёжно, страстно, до дрожи в руках. Влюбился в девушку, которую видел лишь на экране смартфона — в блоге, где она улыбалась миру, рассказывала о путешествиях и пила кофе с корицей. Её звали Лиза, и она была недостижима.

— Кому нужен нищезд? — пробормотал Антон, поправляя лацкан пиджака. — Никому. Значит, нужно стать кем-то. И он решился.

Часть 2. Офисология

Торговый центр «Мегаполис» сиял огнями, как дворец из сказки. Антон снял крошечный офис на третьем этаже — за последние деньги, оставшиеся после покупки интернет-диплома. Вывеска «Игра на „нет“» блестела неоном, привлекая внимание редких прохожих.

Внутри офиса Антон расставил несколько стульев, поставил стол с компьютером и повесил на стену плакат с цитатой Достоевского: «Если хочешь победить весь мир, победи себя».

— Вот, — сказал он вслух, оглядывая своё царство. — Мы не будем менять мир. Мы будем играть в его игру. Но лучше.

Философия компании была проста и цинична. Антон изложил её в брошюре, которую раздавал потенциальным клиентам:

«Международные конгломераты манипулируют общественным сознанием. Они тестируют маркетинговые технологии, продвигают любой продукт, используя нейролингвистическое программирование, картинки милых младенцев, детей, котиков и щеночков, которые влияют на базовом животном уровне изначально живого существа.

Уникальные события в жизни, как появление новой жизни, превратились в рекламу ЭКО. Подбор требуемых параметров „юнита“ — вот что теперь важно. Ирония? Да. ЭКО-отделение находится по соседству с венерологическим. Иронично.

Наша компания смиренно принимает положение общественных дел в мире и не пытается кого-то или что-то менять. Мы учимся играть в игру противника, но лучше.

Наши клиенты — люди в сомнениях. Они уверены, что их обманывают, изменяют, но по любви или иным обстоятельствам не хотят разрушать отношения. Сами же они духом слабы, чтобы отомстить по принципу „око за око“. Да и это глупо. Поэтому в этот момент появляемся мы. „Игра на „нет““. Мы создаём один мир и две истории».

Часть 3. Две истории

Первый клиент пришёл через неделю. Мужчина средних лет, с тревожным взглядом и дрожащими руками.

— Мне нужно... — начал он, потом замолчал, подбирая слова. — Мне нужно понять, изменяет ли мне жена. Но я не хочу разрушать семью. Я люблю её.

Антон кивнул, как мудрец, познавший все тайны бытия.

— Понимаю. Вы хотите знать правду, но боитесь её. Мы поможем.

Спустя время...

Антон начал рассказывать, выстраивая факты в зловещей последовательности:

— Ваша жена задерживается на работе. Она покупает новое платье. Она переписывается с кем-то по вечерам. Она стала чаще улыбаться. Она записалась в спортзал.

Клиент побледнел.

— Это же... это же всё признаки измены!

— Конечно, — кивнул Антон. — Все факты налицо. Она вам изменяет. С кем-то молодым, успешным. Возможно, он её начальник. Или тренер в спортзале.

— Теперь давайте изменим порядок, — предложил Антон

— Ваша жена записалась в спортзал, чтобы быть здоровее. Она купила новое платье, потому что вы как-то из вежливости буркнули, что ей идёт этот фасон. Она задерживается на работе, потому что её повысили и дали больше обязанностей. Она переписывается с подругой, которая живёт в другом городе. Она улыбается, потому что счастлива с вами. Клиент замер.

— Но... но факты те же!

— Да, — улыбнулся Антон. — Факты те же.

Часть 4. Успех и сомнения

«Игра на „нет“» начала набирать популярность. Клиенты шли один за другим:

- жена, подозревающая мужа в измене;
- муж, сомневающийся в верности жены;
- мать, уверенная, что сын связался с плохой компанией;
- дочь, подозревающая, что родители скрывают от неё что-то важное.

Антон стал богатым. Офис переехал в центр города, костюм сменился на итальянский, а кофе в кружке был теперь только самым дорогим.

Но по ночам, глядя в окно на огни мегаполиса, Антон чувствовал пустоту.

«Что я делаю? — думал он, стильно покачивая ногой

- Я играю с чужими страхами. Я создаю иллюзии, чтобы люди могли спать спокойно. Но разве это не ложь? Разве я не такой же манипулятор, как те, кого презираю?»

Однажды утром он увидел в зеркале своё отражение. Глаза были усталыми, а улыбка — вымученной.

— Лиза, — прошептал он. — Если бы ты знала, во что я превратился.

Часть 5. Кризис и откровение

Очередной клиент, пожилой мужчина с седыми висками, пришёл с необычной просьбой:

— Я хочу, чтобы вы создали историю для меня самого.

— То есть? — не понял Антон.

— Я подозреваю, что моя жизнь — это чья-то игра. Что всё вокруг — иллюзия. Создайте мне две истории: одну, где я счастлив, и другую, где я несчастен. И пусть факты будут одни и те же.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.